

ПРОТОКОЛ
допроса бывшего сотрудника Нарымского окротдела НКВД
Б.Е. Меринова

27 февраля 1957 г.
г. Колпашево

Я, ст. следователь следотдела УКГБ по Томской области капитан СПРАГОВСКИЙ, допросил в качестве свидетеля

МЕРИНОВА Бориса Ефимовича, 1914 года рождения, уроженца с. Мелеть, Кировской области, проживающего по улице Стаханова № 44-б г. Колпашево, б/п., русский, гр-н СССР, образование незаконченное высшее, инженер по тех. нормированию. Работает ст. инженером по труду и зарплате Томской геофизической конторы. Из служащих, имеет медали: "За боевые заслуги", "За победу над Германией", "За доблестный труд". Майор запаса, военнообязанный, в Отечественной войне не участвовал.

Ранений и контузий не имеет, на территории, оккупированной противником не был, не судим.

Об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за заведомо ложные показания предупрежден по ст. 92 и ст. 95 УК РСФСР: – МЕРИНОВ.

ВОПРОС: Вы работали в бывшем Нарымском окротделе НКВД?

ОТВЕТ: Да, работал.

ВОПРОС: Какой период времени и в качестве кого?

ОТВЕТ: С декабря 1937 года по июль 1943 года. Начал работать в должности оперуполномоченного и в 1943 г. был в должности заместителя начальника отделения.

ВОПРОС: Вы принимали участие в расследовании дел на арестованных в 1937-38 годах граждан за антисоветскую деятельность?

ОТВЕТ: Да, принимал. Как я помню, в то время я был в следственной группе, возглавляемой КАРПОВЫМ Сафроном Петровичем, которая вела дела на участников так называемой Ровсовской организации.

ВОПРОС: Какими объективными данными располагал Нарымский окротдел НКВД о существовании в Нарымском округе Ровсовской организации и о причастности к ней отдельных граждан?

ОТВЕТ: О существовании в Сибири Ровсовской организации было видно из приказов НКВД СССР и целого ряда ориентировок. Однако мне, как работнику Нарымского Окротдела НКВД, каких-либо объективных данных о существовании в Нарымском округе Ровсовской организации или какой-либо другой контрреволюционной организации, известно не было. В отношении отдельных граждан были дела оперативного учета, из которых усматривалось, что в прошлом они вели борьбу против Советской власти или же служили в белой и других армиях, однако об организованной контрреволюционной деятельности никаких данных не было. В отношении целого ряда лиц имелись материалы, свидетельствующие об их антисоветских проявлениях. В

соответствии с приказами и указаниями из центра в то время было произведено изъятие всего контингента, враждебно настроенного к Советской власти.

ВОПРОС: Каким образом производилось расследование по делам на участников так называемой эсеровско-монархической повстанческой террористической контрреволюционной организации?

ОТВЕТ: К этой организации были отнесены бывшие офицеры, кулаки и другая категория лиц, ранее репрессированная органами советской власти. Следствие по делам на участников эсеровско-монархической организации велось так называемым упрощенным способом. Была разработана схема, по которой ориентировались следователи при допросах арестованных. Допросу предшествовала камерная обработка арестованных, организованная руководством окротдела, а в задачу следователя входило составить протокол допроса арестованного с его признательными показаниями. В большинстве случаев обвиняемые, будучи подготовленными в камере, сами показывали о своей причастности к контрреволюционной организации и практической деятельности. В тех случаях, когда обвиняемые показания не давали, их изобличали показаниями других обвиняемых, очными ставками с наиболее подготовленными для этого обвиняемыми, а в отдельных случаях практиковались выстойки, длительные допросы. Меры физического воздействия к арестованным, я имею в виду избиения, при мне не применялись.

ВОПРОС: Следовательно, показания обвиняемых измышлялись работниками следствия?

ОТВЕТ: Да, показания обвиняемых о причастности их к контрреволюционным организациям, якобы существовавшим в Нарымском округе, измышлялись работниками следствия. Такова была установка из управления НКВД и центра. Следственной работой непосредственно руководили представители Управления НКВД по Запсибкраю, в частности ПАСТАНОГОВ.

ВОПРОС: В показаниях большинства обвиняемых по делам 1937-38 годов записаны факты вредительской, диверсионной и иной контрреволюционной деятельности. Как расценивать такие показания?

ОТВЕТ: В отдельных случаях факты вредительской диверсионной или иной контрреволюционной деятельности имели место и они находили отражение в показаниях обвиняемых. Однако, в то время под контрреволюционной вредительской деятельностью понимали отдельные недостатки в работе тех или иных лиц, хозяйственные и иные преступления.

Документально иногда отдельные факты подтверждались, а в большинстве случаев ограничивались отражением тех или иных фактов в протоколах допроса обвиняемых, хотя сами обвиняемые виновны в этом не были. По отдельным делам указывали, что обвиняемые готовились совершить тот или иной акт, но не смогли, так как были арестованы.

ВОПРОС: По делам участников так называемой "Польской организации войсковой" Вы вели расследование?

ОТВЕТ: Точно не помню, но, кажется, вел. Дела на участников "Польской организации войсковой" велись таким же образом, как об этом я показал выше. К этой организации причисляли в основном граждан польской национальности.

ВОПРОС: Вы можете перечислить дела, по которым Вы вели расследование в 1937-38 годах?

ОТВЕТ: За давностью времени перечислить дела, по которым я вел расследование в 1937-38 годах, я сейчас не могу.

ВОПРОС: Выше Вы показали о так называемой Ровсовской организации. Что это за организация?

ОТВЕТ: Ровсовская организация, это как раз так называемая эсеровско-монархическая повстанческая диверсионно-террористическая организация, о которой Я говорил выше, созданная якобы по заданию белоэмигрантской организацией РОВС.

Допрос окончен.

Протокол допроса мной прочитан, показания записаны с моих слов верно:

Меринов

Допросил: Ст. следователь следотдела УКГБ по Томской области
капитан Спраговский

Копия верна: Подпись

Архив УФСБ Томской области. Д. П-2612. Л.608-611. Заверенная копия. Машинопись.